

Сделав глубокий вдох, он выпрямился.

Подхватив со стола фонарь, Цзян Яоцин вновь заставил вспыхнуть на ногах голубоватое свечение, вот только на этот раз ореол был куда тусклее прежнего.

Быстро выскочив за дверь, он прикрыл ее за собой и тут же начал напряженно оглядывать окрестности.

Он не заметил, как в то самое мгновение, когда он переступил порог, красная свеча внутри хижины внезапно погасла и больше уже не загоралась.

Сейчас Цзян Яоцин как никогда остро осознавал важность предварительной разведки территории: он успел изучить слишком мало мест и понятия не имел, где еще во дворе приюта можно укрыться.

С Сисли на загривке Цзян Яоцин уже намеревался двинуться обратно к задней двери, как вдруг до его уха донесся шорох, сопровождаемый знакомым цоканьем каблучков.

Мама и Они вышли наружу.

Обостренные чувства Цзян Яоцина сработали мгновенно: с первого же звука каблучков он определил направление и, не теряя секунды, юркнул вместе с Сисли в густые заросли травы по соседству – то было идеальное укрытие.

Впрочем, эта идея пришла в голову не ему одному.

Едва с трудом присев на корточки с ношей на спине, Цзян Яоцин услышал за спиной сдавленный взглас.

Поспешно отставив фонарь в сторону, он зажал рот находившемуся позади человеку и лишь после этого разглядел, что перед ним Чэнь Таньлэ.

Тот самый госслужащий в очках, с которым он ехал в грузовике в самом начале стрима.

Увидев Цзян Яоцина, Чэнь Таньлэ перевел дух и поспешно закивал, давая понять, что не издаст больше ни звука.

Цзян Яоцин разжал пальцы, осторожно сгрузил Сисли на землю, снял куртку и накрыл им стоящий рядом фонарь.

Оба проявили молчаливое единодушие. В тишине ночи под стрекотание сверчков стук каблучков звучал все ближе, ближе, ближе...

Цзян Яоцин наконец смог разглядеть лицо Мама – ровно то же самое, что он видел на снимке при начислении благосклонности.

Вот только на каблучках Мама казалась куда тоньше и иссохшие, чем на фотографии.

Вслед за Мамой шагали трое в строгих костюмах и масках с синими рожками и оскаленными клыками – точь-в-точь такие же, как те, что выгоняли их из грузовика.

Цзян Яоцина обдало холодом: разрозненные детали в его голове словно начали складываться в единую цепочку, однако белых пятен все еще оставалось слишком много – требовались новые доказательства.

На глазах у затаившихся Мама расплылась в улыбке и распахнула дверь деревянного домика. И в то же мгновение, стоит ей увидеть погасшую свечу, нечеловеческий, пронзительный вопль разнесся над всем приютом.

Цзян Яоцина буквально парализовало от этого звука, в голове забили тревожные колокола.

Внутренний голос панически орал: «Беги, беги!!» Слезы пробились раньше, чем он успел взять себя в руки; Цзян Яоцин утерся рукавом, но грубая ткань куртки лишь больно оцарапала и без того покрасневшую кожу.

— Кто это сделал?!

Голос Мама гремел снаружи домика, но Цзян Яоцину казалось, будто этот нарастающий рев звучит прямо у него в черепе, разрывая барабанные перепонки.

— Кто это сделал?!

Цзян Яоцин и Чэнь Таньлэ, сидевшие в траве, на собственных глазах наблюдали, как Мама под собственные выкрики, все менее похожие на человеческую речь, начала корчиться и противоестественно изгибаться.

Сперва ее руки с треском лопнули, распавшись на несколько черных гигантских паучьих лап, затем спина резко вспучилась куполом, а на брюшине один за другим стали разверзаться многочисленные глаза.

Нет, это были не паучьи лапы – это были лапы муравья.

Цзян Яоцина подступила подкатывающая к горлу тошнота.

Огромная муравьиная голова, испустив напоследок пронзительное шипение, уставилась алыми красными глазами прямо в сторону их укрытия.

На жутким муравьином жвале красовалась улыбающаяся человеческая рожа.

Рот растянулся до самых ушей, и сиплый, прорезающий слух голос раздался у самого уха Цзян Яоцина:

— Нашла~

<http://bllate.org/book/18157/1742518>